

Между закатом и явью

Виктория Александрова

Виктория Александрова

Между закатом и явью

«Издательские решения»

Александрова В.

Между закатом и явью / В. Александрова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961283-0

Ночь сгущается над миром, ночь захватывает сердца и души. И одолеть ее способны лишь те, о ком говорит Пророчество. Но удастся ли верно истолковать предсказание и избежать ловушек на пути к спасению? Рушится целый мир, и на фоне его грядущей гибели так ли важны поиски счастья и личные переживания самих героев? Конрад-маг, рыцарь Алиен и лесная ведьма вновь противостоят злу: внешнему и тому, самому страшному, которое внутри.

ISBN 978-5-44-961283-0

© Александрова В.
© Издательские решения

Содержание

КОНРАД: В поисках исчезнувших следов	6
ГВЕНДОЛИН: Ученица чародея	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Между закатом и явью

Виктория Александрова

*Я прикоснулся
К мечтам твоим.
И был недобрым этот миг...*

А. Кипелов «Я здесь».

*Мы шли навстречу,
Все ускоряя шаг,
Прошли насквозь, друг друга не узнав...*

А. Кипелов «Я здесь».

Иллюстратор Александра Альбицкая

© Виктория Александрова, 2019

© Александра Альбицкая, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-1283-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОНРАД: В поисках исчезнувших следов

Тьма сгущается над этой землей. Тьма сгущается в моем сердце. Ибо нет со мной рядом той, которая одна была способна развеять эту тьму, потому что даже смерть избегала ее, даже смерть не могла взглянуть в ее отчаянные глаза и остаться собой.

И вот я один на один с проклятой ночью, выкрикивая имя, которое дороже мне всех имен. Правда, на самом деле, даже имя ей не принадлежит. Ведь звали ее Алиен, «Чужая».

Она и осталась чужой для меня, скрытая завесой тайны и мрака, исчезнув, словно короткая вспышка, не сказав и слова на прощанье. И забрав с собой мою душу...

С тех пор я скитаюсь, будто вечный странник, разуверившийся в своих силах следопыт, слепой колдун, потерявший силу. Я – маг и чародей, перед могуществом которого короли падали ниц, стал беспомощным, словно котенок. Так велика власть утраты, понесенной мной.

Не знаю, почему она ушла и куда. Что заставило бежать ее так стремительно, покинув меня? Или кто заставил? Алиен, рыцарь с черными лилиями на гербе, кто сумел настолько подчинить себе твою волю, что ты оставила человека, который был дороже тебе всех на свете? Или ложью были твои слова? Но я не могу поверить, чтобы ты лгала, хотя сама ты часто повторяла, будто не веришь мне. Ты – человек чести, даже пленник ее, насколько я успел узнать тебя. Но вместе мы были так недолго!

...

– Оставь его! Не видишь, он заговаривается!

– Он слишком много выпил. И как он еще сидит?

– А я говорю тебе, не трогай его! Взгляни на посох. Это маг! Пьяные маги бывают опасны.

Голоса набатом отдавались в моей голове, причиняя боль, и я с усилием приоткрыл глаза. Стол тут же уплыл куда-то вбок, и я вынужден был ухватиться за него, как утопающий за соломинку. Подняв голову, я с трудом разглядел двоих. Один был ростом чуть повыше, голову второго украшала ярко-рыжая шевелюра. Остального не давал разглядеть густой белый туман, застилавший мои глаза. Губы не слушались меня, пересохшее горло требовало еще глоток эля, но рука промазала мимо кружки.

Рыжий захихикал. И тут меня охватил гнев. Он пеленой окутал мой и без того затуманенный мозг. Я бы мог протрезветь от одного взмаха руки, одного маленького заклинания. Но мне не хотелось трезветь. Резким движением я выбросил кисть вперед и схватил рыжеволосого за горло, едва не опрокинув при этом стол. Тот не ожидал подобной реакции от вусмерть пьяного человека, дернулся, замахал руками, словно мельница крыльями.

– Тебе смешно? – прохрипел я, придвигая свое лицо поближе, —

– Хочешь посмеяться в последний раз?

Парень отчаянно выпучил глаза, силясь вдохнуть. Кажется, я сдавил его слишком сильно.

– Ладно, дыши, – пальцы мои медленно расслабились. Хмель потихоньку начал покидать меня, а вместе с ним и сладостное забвение. Я стал вспоминать, кто я и почему здесь оказался. Вот только *как* я здесь оказался, вспоминалось с трудом.

Двое перепуганных парней, совсем еще мальчишки, жались в сторонке. Одеты они были небогато. Да и откуда взялись бы богатые в этом захудалом заведении? Низкий закопченный потолок, грязный оплеванный пол, маленькие столики с пятнами неизвестного происхождения... За стойкой бородатый мужик в синем засаленном фартуке на необъятном животе разливал по кружкам пенистый эль и поглядывал в нашу сторону.

Окинув взором эту безрадостную картину, я вновь повернулся к парням.

– Эй, подойдите-ка сюда.

Они неуверенно переглянулись.

– Да не бойтесь, не трону... Может, присядете?

Все еще с опаской, оба приблизились.

– Садитесь. Пить будете?.. Учтите, дважды предлагать не стану.

Незаметно для них я щелкнул пальцами и повторил нехитрую формулу. Голова стала как стеклышко. Даже боль практически растаяла. Я вздохнул.

– А драться не будете? – несмело спросил рыжий, потирая синяк на шее.

– Не буду. Да я и драться-то не умею, – ответил я, —

– Махать кулаками – это удел воинов. Кстати, вот об одном таком я и хотел спросить у вас.

Похоже, мой ответ не слишком их успокоил. Они уселись на край скамьи и с тревожным ожиданием уставились на меня.

– Так вот, – продолжил я с таким видом, словно весь предыдущий вечер мы коротали за мирной беседой, —

– Скажите мне, други, не появлялся ли в здешних краях рыцарь, знатный по виду? Внешне очень приметный, черные лилии на гербе, большой вороной конь. Возможно, его кто-нибудь видел?

Ребята опять переглянулись, лица у них при этом были смущенные.

– Ну? Что вы молчите?

Тот, который был повыше, толкнул локтем рыжего и что-то шепнул ему.

– Нет, не видели, – отозвался он.

– А ну, не врать! – мой кулак ударил по столу так, что кружки подскочили, —

– Драться-то, может, я и не умею, а вот в жабу превратить – это запросто!

– Ей-богу, не видели! – залепетал перепуганный парень, —

– Вот Джол, – он видел кое-кого. Чудом, говорит, жив остался. Мы тогда еще не поверили ему, посмеялись. Вы лучше у него поспрашивайте.

– Так. Где живет этот Джол? – я решительно поднялся. Времени терять было нельзя.

– На соседней улице. Третий дом... Да мы проводим! – спохватился рыжий, увидев мои нахмуренные брови.

И мы пошли.

Джол оказался плотным коротышкой с ухватками настоящего крестьянина. Лет ему было немногим больше, чем тем двоим. Парни вкратце посвятили его в суть дела и почтительно удалились, оставив нас наедине.

Я присел на дубовую колоду, жестом предложив приступить к рассказу, и Джол начал:

– Так вот, господин. В тот день я, как и собирался, запряг Мульяну, на рынок чтоб ехать. На рынке дела у меня были: кое-какой товар посмотреть, да мешка три картошки свезти на продажу...

– Нельзя ли поближе к сути? – перебил я.

– Так я ж и передаю самую суть, все по порядку, как было... Запряг я, значит, Мульяну...

Я сжал зубы и приготовился выслушать пространнейшее повествование с подробным перечислением всех действий, которые совершил в тот день мой достойный собеседник. Кое-как, с великим трудом, мы добрались до середины рассказа.

– ...И аккурат у этого проклятого моста она встала. Она всегда там становится, когда от дома едем. В сторону дома – ничего, оно и понятно, всегда домой торопится. А вот наоборот... Я и угрожал, и уговаривал: «Мульяночка, милая...» А она стоит – и ни в какую! Что делать? – Слезаю с телеги, чтобы под уздцы ее перевести. И тут слышу – топот дикий. Едва успел посторониться – проскакал мимо меня всадник в черном, ну, из этих, вы знаете, господин, – он опасливо огляделся, —

– Их все больше сейчас появляется в наших местах. В шлеме шипастом, за спиной плащ, как из паутины. И духом таким нехорошим от него потянуло... А за ним – другой всадник на огромном коне вороном. Ох, и конь здоровущий! Копыта – как тарелка каждое. И на щите

у рыцаря какой-то странный узор – не узор: цветы черные, вроде как. Шлем, словно зеркало, горит. А рука в перчатке стальной уже к мечу тянется... Прямо за мостом настиг он того, черного, и завязалась меж ними драка. Жестокая такая рубка. Я встал, как дурень, смотрю. А тут снова топот: еще четверо в черном летят, на подмогу, значит. Один как гаркнет: «С дороги!» И мечом меня по голове. Повезло, что плашмя. Но сознания я лишился. Не знаю, сколько так пролежал. Глаза открываю: моя Мульяна надо мной склонилась, мордой мягкой в лицо тычет: просыпайся, мол, хозяин, ехать пора. Я встал и сразу все вспомнил: и погоню дикую, и бой за мостом... Эх, неравная была битва, пятеро на одного. «Жалко парня», – подумал. Сел в телегу, вожжи подобрал; лошадка моя сама тронулась, без понукания. Переезжаю я мост – и что же я вижу? – Пять всадников черных изрубленные насмерть лежат! А того рыцаря на вороном коне не видать нигде и следа. Неужто уцелел он один против пятерых и всех пятерых положил? Что за диво? И пока я изумлялся так, вдруг трупы этих, – Джол сплюнул через плечо, —

– Начали таять, словно снег, постепенно в землю уходя. Мерзкое зрелище, честно признаюсь, господин. Только плащи от них и остались, да доспехи черные. Может, до сих пор там лежат. Да только мне лично неохота больше в ту сторону ездить. Я теперь другим путем, окружным, на рынок добираюсь. Так оно спокойней.

– Это она, – вполголоса произнес я, —

– Алиен. Только она могла...

– Что вы сказали, господин? Я недослышал.

– Ничего. Как давно это произошло?

– Давненько, – ответил Джол, —

– Месяца три, а то и все четыре тому.

– Место покажешь?

– Не хочется мне туда, по правде говоря. Но если господин...

В моей руке появилась серебряная монета, которая так же быстро исчезла в его кармане.

– Как угодно, господин. Сейчас едем?

– Да.

Когда мы добрались до моста, солнце потихоньку начало сползать к горизонту. Золотились ветви окрестных деревьев, и вокруг царил тишина – даже птиц не было слышно.

– Вот это место, – промолвил Джол полушепотом.

– Они дрались на том лугу? – я указал на противоположный берег.

– Ага. Только следов уже не видать. И доспехи пустые пропали...

– Да Бог с ними, с доспехами. Спасибо за помощь. Можешь ехать, Джол.

– Вам спасибо, господин, – ответил он, низко кланяясь и принимая у меня из рук еще одну монету, —

– Коли понадобится – всегда обращайтесь.

– Хорошо-хорошо. Давай, езжай.

Он не заставил себя просить дважды, и нахлестывая свою каурюю лошадку, порысил подальше от мрачного места.

Я переехал бревенчатый мост и огляделся. Конечно, следов никаких не осталось, да и не могло остаться: слишком много времени прошло. Высокая трава волной охватила мои ноги, едва я соскочил с седла. Оставив повод на шее лошади, я распустил подпруги: пусть попасется, ведь здесь придется провести, возможно, не один час. Затем я лег на землю посреди густого зеленого ковра и, раскинув руки, стал смотреть в беспредельное небо, которое постепенно заполнило собой все вокруг. Я вбирал в себя окружающие запахи и звуки, и воздух вибрировал, словно струна, над моей головой. Я спрашивал землю, я спрашивал траву, я спрашивал синий ветер – и ждал ответа, ощущая себя открытой страницей. Понемногу некие

образы, будто краткие вспышки сознания, начали мелькать перед моими замершими зрачками. Они больно ударяли, как ударяет молния, озаряя все вокруг на доли секунды. Я видел бой; видел искры в перекрестье мечей, брызги крови, разлетающиеся наподобие бьющего из-под земли родника; я слышал смерть, ее неуголненный шепот, последние хрипы, скрежет металла сокрушенного доспеха, проклятье, не успевшее произвестись и оборвавшееся на черных губах; и боевой клич – дикий, пронзительный – безумную радость отчаянной победы.

Но этого было мало. Я спрашивал снова и снова, вставляя корнями в землю и вытягиваясь ветвями к облакам. «Где?» «Куда?» Вопросы мои, подхваченные безмолвием, словно хлопья пыли, уносились прочь, в сумрачную пустоту. И я видел бег огромного вороного коня, пряди его развевающейся гривы, и – совсем мельком – руку в железной перчатке, сжимающую потертый повод. Я слышал глухой топот тяжелых копыт, что украшены были серебряными лунами подков, прерывистое лошадиное дыхание и бряцанье доспехов. Конь уносил ее от меня. «Куда?» «Где?» И, наконец, новая картина медленно всплыла перед моим внутренним взором, проявляясь постепенно, словно специально давая возможность оглядеть и запомнить ее всю: золотистые сосны-струны, устремленные ввысь, дальше – маленькая изба с алыми петушками на ставнях, два дуба-стражника вместо ворот и журчащий у самых корней веселый родник.

Крепко зажмуриваю глаза, чтобы надежней запечатать в памяти этот образ. «Спасибо», – говорю затем в звенящую вокруг меня пустоту. «Спасибо», – и чувствую, как голос мой дрожит от усталости.

Утро следующего дня застало меня в лесу, не таком великолепном и солнечном, как тот, что привиделся мне, но с такими же высокими соснами, насквозь пронизанными светом. Джокер ровной рысью нес меня по утрамбованной временем дороге, и четкий ритм его копыт гулко отдавался окрест.

Я все еще не знал направления поиска, даже приблизительного. Все, что у меня имелось – череда неясных образов-видений, местами настолько смутных, что невозможно и распознать. И все же я не терял надежды. Чутье редко подводило меня – ведь у меня чутье птицы, вольного охотника, и я всегда доверял ему. Оно и сейчас пришло мне на помощь, подсказав, что опасность близка.

Сейчас... Сосредоточившись на происходящем вокруг, я мысленно протянул тоненькую серебряную нить. Она раскручивалась, сплеталась, наподобие паучьей сети, пронизывала воздух, невидимая ни для кого, и, не встречая препятствий, плавно опадала на землю. Но вот – стоп! – Кто-то, кажется, попался в мою паутину. Один, два, три неясных силуэта распластались у обочины, серые, как тени. Они не знали, что я их обнаружил, и продолжали скрываться в засаде. Я, как ни в чем не бывало, продолжал двигаться дальше, сохраняя полную расслабленность во всей позе, как будто ничего подозрительного и не заметил. Между тем, нужные заклинания медленно всплывали из глубины. Сейчас я вам покажу, как связываться с магом моего уровня!

Я приблизился к опасному месту. Заклинания крепили, обретая почти вещественную форму, и форма эта была огонь – почти самое действенное средство против всякой нечисти. Неожиданно – это они так думали, что неожиданно – серые фигуры скользнули на дорогу и начали материализацию. Возникло впечатление, будто клубящийся черный дым медленно густел вокруг жестких скелетов. И единственной четкой деталью в этом дыму были горящие желтой яростью глаза с вертикальными зрачками. Но с моей ладони, поднятой вверх, ударило алое пламя, и один из них не успел закончить материализацию. Два других бросились в противоположные стороны, и луч лишь понапрасну взбил пыль на дороге. Отскочив, они начали атаку с обеих сторон – весьма продуманная тактика! – и действовали, надо сказать, весьма слаженно, почти синхронно. Я пришпорил Джокера, и он, взвизгнув, совершил отчаянный

прыжок вперед, едва успев выскользнуть из протянутых скрюченных лап. Я обернулся. Теперь в моей руке оказался посох. Все! Вам конец!

Используя посох, словно обычную дубину, я с размаху ударил одного из монстров по уродливой голове. В тот же самый момент второму достался такой магический разряд, еще усиленный ударом, что распылил его на мелкие частицы, которые, кружась, осели на дорогу, будто частички сажки. Оставшийся в живых взвыл, тряся косматой башкой. Видимо, и ему крепко перепало. Что еще раз доказывает: даже простая дубина в руках умелого мастера может послужить отличным оружием против всяческого рода подземных тварей.

У монстра за спиной вдруг начали расти крылья. Стоп! Так мы не договаривались. Голова, говоришь, у тебя болит? Я перехватил посох в другую руку. Сейчас мы ее вылечим!

Тело чудовища постепенно приняло змеевидную форму. Оно взмахнуло новообретенными перепончатыми крыльями, пытаясь взлететь, и потянулось всей своей длинной шеей ко мне. Я увернулся и снова ударил посохом. Нас окутало зеленоватое сияние. Голова на перебитой шее в последнем, отчаянном усилии изогнулась ко мне и успела цапнуть кривыми зубами чуть повыше локтя. Боль пронизала руку, но и монстр был уже не жильцом (если их существование вообще можно назвать жизнью). Он повалился на землю, распадаясь на куски, становясь дымом, тая и исчезая – как происходит с ними со всеми в подобных случаях. На дороге остался я один, верхом на всхрапывающем от ужаса коне, бока которого покрыли ключья пены. «Что же ты, – сказал я ему, – уже пора бы и привыкнуть! Все-таки твой хозяин – маг, так что это не первые и не последние монстры в твоей жизни». Джокер все еще мелко вздрагивал, словно от комариных укусов, и краем глаза следил, как я перематываю лоскутом раненую руку. Ничего! Яд обезврежен, а царапины, хоть и глубокие, со временем зарастут. Моим врагам пришлось гораздо хуже.

Тьма, и в самом деле, сгущается над миром – я ничуть не преувеличиваю, говоря об этом. Все больше подземных созданий выходит наружу, все чаще встречаются таинственные всадники в паутинных плащах, принося с собой смерть, все больше черных птиц слетается из-за далеких гор – тех самых гор, откуда вот-вот хлынет мгла, готовая поглотить собою землю. Самые уродливые и жестокие порождения ночи появляются неизвестно откуда, безжалостно убивая и сея страх.

Равновесие нарушено, и чтобы его восстановить требуется слишком многое. Я не знаю, возможно ли это вообще. Но мир меняется, становясь чужим. В упадок приходят золотые города, исчезают с лица земли волшебные леса, реки становятся мутными и отравленными. Даже небо уже не такое голубое, как прежде. Скоро всему придет конец... Если, конечно, прежде не случится что-то, способное сместить чашу весов, уже застывшую над пропастью.

Имеет ли смысл на фоне заката гибнущего мира думать о собственных потерях? – Откуда мне знать! Возможно, и не имеет. И все же я иду, бегу по стертým следам, чтобы отыскать тебя, Алиен, чтобы спросить, хотя бы перед самым концом вселенной: «Что изменилось в твоей душе?!»

Я еду через маленькое селение, по узкой улочке между серых хаток. Народ здесь тоже какой-то серый: молчаливый, угрюмый. Проходят мимо второпях, словно не замечают, а почти столкнувшись с плечом моего коня, поспешно отводят глаза и отходят с дороги. Но мне почему-то кажется, что одна из подсказок находится именно здесь. И я не уеду из этого неприветливого места, пока не получу то, что ищу.

– Эй! – окликаю я одного из прохожих, —

– Привет! Здесь что-то произошло?

Тот испуганно шарахается в сторону и торопится укрыться за одной из бревенчатых хиброк.

Пожимаю плечами, втягиваю носом воздух: пахнет чем-то горелым и еще, чем-то таким... непонятно чем... как будто людским отчаяньем.

Дальше иду пешком, ведя Джокера за собой в поводу. Довольно долго никто не попадает мне на пути. Наконец, натыкаюсь на молодого еще мужчину со шрамом на лбу. Лицо его хранит то же выражение замкнутой тоски, что и лица всех остальных, встреченных мной прежде. Он с угрюмым остервенением толкает перед собой пустую тележку.

– Постой! – обращаюсь к нему, но он даже не оборачивается. Тогда я хватаю его за плечо и заставляю остановиться. Мужчина пытается стряхнуть мою руку, но у меня цепкие пальцы. Наконец, он перестает сопротивляться и молча смотрит мне в глаза. В его взгляде скорее мука, нежели злость и досада.

– Послушай, – я стараюсь, чтобы мой голос звучал как можно мягче, —

– Ты можешь объяснить, что здесь случилось?

– Случилось, – повторяет он без выражения, мельком взглянув на мою перевязанную руку, —

– Случилось то, что они напали опять. Мы пытались защищаться, но куда нам до этих чудовищ! Да, они везде, везде. Скоро на земле не останется места.

– О ком ты говоришь?

– О Всадниках в черном. Они почти ничего не тронули, не сожгли ни одного дома на этот раз, но забрали с собой наших детей и женщин. Они увезли их туда, – он указал в сторону заходящего солнца, где на горизонте чернели уродливые очертания замка – не замка, крепости – не крепости, – вообще, какого-то мрачного сооружения, созданного явно безумным зодчим.

– Понятно, – говорю я.

Да и что тут еще скажешь?

И что, спрашивается, мне делать дальше? Какова вообще моя роль во всем этом? Я вижу, как судьба уверенной рукой направляет меня на закат, назначив спасителем этих несчастных, и не могу сопротивляться. Ну не безумие ли? Зачем вмешиваться в чужую беду? Зачем идти туда, куда не звали?

Я не большой любитель искать приключения на свою голову. И еще я никогда не пытался играть роль спасителя или героя, не дрался во имя чести, не рисковал головой ради защиты идеалов, настоящих или придуманных. Все это мне абсолютно чуждо, в отличие от той, – какова ирония! – кого я ищу с настойчивостью, пугающей меня самого. Уж она бы не колебалась ни секунды и бросилась бы, сломя голову, в самое пекло, чтобы спасти нуждающихся в ее помощи. Я же, напротив, никогда не отличался большим альтруизмом. И, тем не менее... собирался сыграть ее роль, собирался действовать, как действовала бы она. Для чего? – А кто его знает!

Солнце, между тем, спускалось все ниже и ниже, и вот уже село за горизонт. Земли коснулась мягкая лапа ночи, пока еще неуверенно, будто пробуя наощупь. Кое-где в траве зажглись первые фонарики светляков, где-то крикнула сумеречная птица. Природа жила своей привычной жизнью, словно не ощущая нависшей над миром угрозы, словно опровергая наши печальные мысли о приближающемся конце всего. На самом деле, хотелось забыть о том, что ожидает нас в не столь отдаленном будущем, и о том, что ожидает меня лично еще раньше.

Я вновь задал себе вопрос: зачем мне лезть в это осиное гнездо? И опять не сумел логично ответить. Чувствуя себя полным дураком, я упрямо продолжал путь.

Казалось бы, ночь – не самое лучшее время, чтобы воевать с силами тьмы. Но я знал, что довольно часто чужие преимущества можно использовать во благо себе. Главное, с умом подойти к этой проблеме.

Впрочем, мысли в голове вертелись все какие-то мрачные. Просчитывая множество вариантов дальнейшего развития событий (включая и самые пессимистичные), я думал об Алиен и о своем затянувшемся, кажущемся иногда бессмысленным, поиске. Отчего же так все вышло, отчего безуспешными были все мои попытки ухватить эту нить, размотав весь клубок,

наконец?! Отчего бессильными становились заклинания, почему опытный маг удивлял самого себя собственной беспомощностью? – Да, было бы намного проще, наверное, если бы Алиен хотела, пусть даже краешком сознания, чтобы ее нашли. А еще проще было бы, если бы не проклятый *перстень*! Перстень, который она-таки увезла с собой и который, повинаясь желанию владелицы, тщательно укрывал ее, делая бессмысленными все мои попытки. Этот перстень когда-то уже едва не разлучил нас – могущественнейший артефакт, свойства которого до конца неизвестны даже мне. Многие годы я искал его, а когда, наконец, нашел, оказалось, что вместо него я обрел нечто иное. Но это несколько другая история. А сейчас Алиен, ничего не смыслящая в магии, увозила его на своем пальце, даже отдаленно не представляя, каковы могут быть последствия.

Я же, чувствуя себя так, словно руки мои связаны, вынужден был разыскивать ее, словно обычный смертный, собирая по кускам мозаику-головоломку, выискивая каждый отдельный маленький след, случайно сохранившийся. И столько сил уходило на постоянно обновляемое заклятие поиска, что я напрочь лишился возможности возвращаться во вторую свою, крылатую ипостась, – ястреба. Я забыл вкус неба и пенного ветра, что вздымал меня на гребне потока, тормоза оперенье, я тащился по земле, словно убогий червь, проклиная собственную слабость и слепоту. И сердце мое терзал изнутри когтями крылатый хищник, жаждая вырваться на свободу. Что за дело ему до моих мирских проблем! Ветер пел в ушах, ветер звал за собой в синюю высь. Но земля держала крепко-накрепко.

Таким образом, медленно переставляя ноги, как и прочие представители рода человеческого, спустя несколько часов я добрался до сумрачной крепости. Ее корявые изломы возвышались над водяным рвом на два десятка метров. Незамеченный, я обошел вокруг, удостоверившись, что ров окружает твердыню со всех сторон. Воды я, вообще-то не боюсь, но мало ли какие сюрпризы ожидают под ней! Для меня оставался один путь – по воздуху. В который раз пожалел я, что не могу обернуться ястребом. Но ничего не попишешь! Пришлось перебираться по обычному канату, зацепленному крюком за выступ в стене.

Магию применять я пока опасался, надеясь остаться таким же невидимым для обитателей замка, как и прежде.

Спрыгнув, почти бесшумно, во внутренний двор, я тихо прокрался вдоль стены, призвав на помощь всю свою осторожность. Где могут содержаться пленники? Кругом царил почти непроглядный мрак, и, если бы не мое отменное зрение, я не сделал бы и шагу, не наткнувшись на какое-нибудь препятствие, вроде холодных, сочащихся слизью камней, вырастающих из-под земли тут и там абсолютно без всякой системы, да кривых железных прутьев, возникающих на моем пути так же внезапно. Странное место! Странное и жутковатое. Было заметно, что задумывалось оно не людьми и не для людей. Если бы строилось это человеком, то пленников логичнее всего было искать в каком-нибудь подвале или подземелье. А так сложно даже предположить, где они могут находиться.

Ну, ладно, придется рискнуть! И я произнес заклятие поиска. Синей полупрозрачной птицей метнулось оно в темноту и исчезло. Мне оставалось только ждать. Я замер, стараясь слиться с камнем.

Внезапно во тьме послышался легкий шорох. Кто-то приближался. Воздух словно наполнился электричеством, и волосы на моей голове сами собой поднялись дыбом. Ужас сдавил горло. Даже если бы я не боялся дышать, опасаясь выдать свое присутствие, все равно бы не смог. То, что кралось в сырой мгле, было жутким до отвращения. Я не видел его, но чувствовал всей кожей, и от этого становилось плохо. Даже учитывая весь свой довольно богатый опыт общения с разными порождениями ночи и им подобными, я не мог совладать с дрожью. Казалось, вот-вот я не сдержу крик ужаса перед тем приближающимся, что видит меня насквозь, слышит каждый мой трепещущий нерв.

И все же я молчал, сжав зубы и не дыша. Вот оно! Проплыло-проползло рядом со мной, сквозь меня, колыхнувшись, словно ком непрозрачной слизи, состоящей из крошечного мрака и боли. Обожгло, смяло, раздавило своей тяжестью, даже не коснувшись, так и не став видимым, но заполнив мой зрачок целым роем кошмаров из преисподней. Проползло – и кануло куда-то в ночь. Только воздух, ставший вдруг жирным и отвратительным, хлынул в мои истрадавшиеся легкие. Все померкло...

Я стоял на коленях. Меня рвало.

Чуть позже, когда дурнота отступила, и я смог более-менее твердо держаться на ногах, я двинулся наощупь, чтобы убраться поскорей с обезображенного отвращением и ужасом места. Что же это была за мерзкая тварь?! Таких я не встречал прежде. И даже не слышал о них. Вероятно, что-то новенькое из бездонных арсеналов тьмы!

А вот и моя синяя «птица удачи». Подлетела, сделав круг над головой, и медленно взмыла в воздух, приглашая следовать за собой. Я пошел за крылатым витком дыма, соблюдая максимальную осторожность и ступая так неслышно, как только был способен. Но больше, к счастью, мне никто не повстречался, и мы без приключений добрались до освещенной неверным зеленоватым огнем площадки. Вокруг тоже никого не было, и в пределах освещенного пространства – тоже, – я осторожно прощупал тьму. Птица-заклинание взлетела вверх, схлопнула крылья и исчезла, а я медленно двинулся к огромной яме-котловану, находящейся посередине утоптанной площадки: очевидно, предмет моих поисков находился здесь. И действительно, отвесные края ямы круто уходили вниз, гладкие и блестящие, словно изготовленные из стекла, а на дне я увидел человек двадцать в разных позах: кто спал, кто сидел, прижав колени к груди и вперив взгляд в пространство. Среди детей были и совсем маленькие – матери держали их на руках, были и подростки. И все они казались страшно изможденными.

Я приблизился и попытался наклониться вниз, но натолкнулся на прозрачную преграду. Однако снизу уже заметили меня; кто-то из детей показывал пальцем, кто-то замахал руками. Я приложил палец к губам, призывая к молчанию. Мне послушно закивали в ответ.

Если воздушная преграда именно той природы, что я думаю, то мне не сложно будет убрать ее. Я мысленно сосредоточился: да, так и есть. Те, кто запер здесь пленников, не отличались особой изобретательностью. А впрочем, к чему им повышенные меры предосторожности против беспомощных женщин и детей. Им все равно не выбраться самостоятельно из этой тюрьмы.

Я рубанул ребром ладони задрожавший воздух и ощутил, как прозрачная подушка трескается, обретая вдруг твердость. Полдела было сделано. Теперь необходимо было соорудить некое подобие лестницы, имея под рукой лишь нехитрые приспособления, вроде крюков и веревок, да некоторого запаса магии.

Люди внизу явно воспряли духом, наблюдая за моей возней. А я пожалел о том, что не взял с собой ни одного помощника. Будет сложновато вытащить из ямы и вывести из крепости такое количество народа. Впрочем, – сказал я сам себе, – вряд ли те запуганные, с отчаявшимися лицами мужчины являли бы собой надежную помощь; скорее, они бы стали дополнительной обузой. С этой мыслью я зацепил, наконец, крючья самодельной веревочной лестницы за край ямы, укрепил их дополнительно несколькими несложными заклинаниями и стал спускаться вниз.

На дне стеклянной ямы я был встречен весьма восторженно, но без лишнего шума: никто не забывал об осторожности. Я велел им побыстрее подниматься наверх, пока нас не обнаружили. Многие настолько ослабели, что мне пришлось буквально тащить их самому. Наконец, последний из пленников оказался на краю ямы, и молча они двинулись за мной узкой цепочкой.

Так, стараясь соблюдать тишину, шли мы до самой наружной стены. Пока все было неплохо. Но, конечно, так гладко продолжаться не могло, и вскоре побег обнаружили. Я понял

это по мгновенно загустевшему вокруг мраку, перед которым даже мое зрение оказалось бес-
сильным. Ночь плотной стеной обступила нас, излучая угрозу, и в этой ночи слышалось
какое-то шевеление.

– Тихо! Быстрее сюда! – прошептал я, нащупывая рукой нишу в стене, —

– Замрите и не двигайтесь!

Настала пора применять магию в полную силу, таиться больше не имело смысла, и осле-
пительные вспышки, сорвавшись с кончиков моих пальцев, разорвали тьму. Я вызывал огонь
на себя.

Внезапный свет на какое-то время сделал моих врагов незрячими. Зато я получил воз-
можность в полной мере рассмотреть их, похожих на громадных раздувшихся жаб, замерших
в удивлении, с выпученными желтыми глазищами. За их спинами возвышался с десяток вои-
нов в черных шипастых шлемах и с оружием наизготовку.

И вновь все поглотила ночь, но я уже увидел все, что хотел. Следующей моей целью была
крепостная стена. Несколькими ударами я проделал в ней брешь, дав пленникам возможность
действовать самостоятельно, а сам полностью переключился на стражу. Дальше события разви-
вались стремительно, словно кто-то внезапно отпустил сжатую до предела пружину. Вспышки
света чередовались со всполохами огня; я кого-то рубил, подвернувшимся под руку черным
мечом, кто-то пытался удержать меня за ноги, обвившись кольцом, чьи-то желтые глаза опасно
приблизились к моему лицу, но тут же закрылись, когда их обладатель угодил под удар вер-
ного посоха; свистели черные стрелы, со всех сторон душил мрак; и, задыхаясь, я начал отсту-
пать к пролому в стене, но лишь когда убедился, что все пленники уже снаружи. Через ров
они перебрались по камням, вывороченным из стены моим же ударом, и ждали меня на дру-
гом берегу. Выбравшись сам, я, недолго думая, запечатал проход одним из мощнейших охранных
заклятий, обведя его затем вокруг всей стены. Чтобы преодолеть его, порождениям мрака
потребуется не один час. За это время мы будем уже далеко.

Не позволяя никому останавливаться, я потащил их за собой, хотя несколько человек
были ранены. Пока расслабляться было рановато. И безропотно, из последних сил, все они
пошли следом, видя во мне, очевидно, некоего ангела-спасителя. Некоторых несли на руках,
хотя все без исключения казались очень изнуренными и едва живыми. К счастью, идти
было недалеко: в лесу ожидала повозка, запряженная парой крепких крестьянских лошадок.
Но дошли до нее, однако, не все. Одна из женщин, раненная черной стрелой, умерла по дороге,
можно сказать, у меня на руках. Я склонился над ней, проверяя, смогу ли что-нибудь для нее
сделать. Но, похоже, рана была смертельной, с ней не справился бы и опытный врач. Так
что все, что произнесли ее губы напоследок, — это несколько бессвязных слов: «На запад...
Они усаkali на заход солнца...» О ком она говорила? — Возможно, о всадниках в черном.
Но почему-то эти слова показались мне невероятно важными, они пронзили меня, как удар
молнии. И я вдруг понял, что это еще одна подсказка на моем пути. Отныне я должен двигаться
именно на запад, туда, где сгущаются силы тьмы, туда, где некто ожидает меня...

На сердце, словно плита, лежала свинцовая тяжесть. Несмотря на то, что я, хотя и мед-
ленно, но все же двигался к своей цели, в душе моей было пасмурно. И ответы, приходящие ко
мне один за другим и приближающие меня к этой цели, на самом деле, словно бы, наоборот,
отдаляли нас друг от друга. Последнюю из полученных мной подсказок будто сама смерть пре-
зрительно выплюнула мне в лицо. Что совершила ты, Воин Света, если даже редкие твои следы,
словно морская вода, заполняет мрак?

Невидимая рука сдавила мне горло. И я поклялся: «Где бы ты ни была, чтобы ни произо-
шло с тобой, Алиен, я все равно отыщу тебя, чего бы это не стоило; я все равно пойму и приму
тебя!» Ветер подхватил мои слова и унес их за синее ожерелье холмов, застывших вдали.

Я въехал под полог леса, пожелтевшего, неживого. В самый разгар июльской жары на меня вдруг пахнуло сырой плесенью. Не было слышно птиц – только потрескивание опадающей с сухих стволов коры. Здесь тоже ощущалось во всем присутствие тьмы, пока еще едва заметное, но уже отравившее собой ветви и листья, пропитавшее покрытую хвоей землю.

Мне неожиданно захотелось повернуть назад, но съезжать с торного пути казалось неразумным. Да и кто сказал, что в других местах будет лучше?

Снова дал знать о себе скребущийся изнутри ястреб. Эх, расправить бы крылья, взмыть вверх сквозь душную муть, разметав во все стороны вопросы без ответов! Оставить за спиной тяжелую, страшную землю, поработанную кошмаром, словно неведомой болезнью! Стать свободным, хоть ненадолго... Но слиплись яркие перья – не распахнуть воздушный веер, не покинуть темницу, не убежать от себя самого... Только плачет ветер среди засохших деревьев, только напрасно и безутешно машут вслед оголенные ветки.

Это было безумно давно, кажется, целую вечность назад. Мы ехали вдвоем через такой же лес, только живой, еще не смятый жадным дыханием мрака. Алиен, слегка прищурившись, смотрела вперед, словно постоянно выискивая затаившуюся опасность – она не расслаблялась ни на секунду, кажется, даже когда спала. А я пытался, помню, растормошить ее непробиваемую серьезность. Но она лишь высылала вперед вороного громадного Ская, преданного ей, как собачонка, и отзывалась односложно на все мои шутки.

Внезапно – как это всегда происходит – в воздухе запахло грозой. Что-то случилось, и виной тому не были черные мрачные тучи, заслонившие синь горизонта. Я пока не мог понять, что именно вызывало столь острое чувство тревоги, и Алиен тоже ничего не сказала, кроме короткого:

– Быстрее!

Наши лошади двинулись крупной рысью, почти нога в ногу. Они тоже ощущали сгушавшееся вокруг электричество. Мы поняли, что уже не успеем укрыться от нагоняющей нас грозы, и первые длинные струи обрушились на нас, словно холодный душ. Громыкнуло.

Сквозь застлавшую пространство водяную завесу мои глаза различили впереди на дороге маленькую фигурку в коричневом плаще. Похоже было, что путник, как и мы, оказался застигнут врасплох непогодой. Он быстро шагал, вжав голову в плечи и опираясь на посох. Расстояние между нами неизбежно сокращалось, и мы вот-вот должны были настигнуть его.

И тут я понял, что не так!

– Алиен! – крикнул я, —

– Стой! – и сам резко натянул повод.

Моя спутница в кратком замешательстве взглянула на меня, но тут же остановила Ская и обнажила меч, — она быстро ориентировалась.

Посох в руке у идущего впереди странника засветился. Фигура в плаще обернулась и развела руки в стороны. Кажется, прямо над ним ударила молния, и прогремело так, что кони в испуге присели. А он стоял перед нами неподвижно, и вместо глаз на нас глядели черные провалы оскаленного черепа. Сложно было предположить, что его появление здесь оказалось случайным.

– Что тебе надо?! – спросил я, —

– Отвечай!

Но он молчал, а дождь лил нескончаемым водопадом, стекая по лицу, мешая смотреть.

– Ты что, не слышишь, исчадие тьмы?! – воскликнула Алиен, —

– Прочь с дороги!

Череп оскалился в подобии улыбки:

– Вы идете за Смертью? Вы найдете ее!

– Я никогда не обнажаю меч понапрасну, – процедила Алиен, и, прежде чем я успел ее остановить, пришпорила Скаю. Жеребец в два прыжка преодолел расстояние между нами и фигурой в плаще.

– Алиен, не делай этого! – крикнул я, но ее дивный огненный меч одним движением снес демону голову. Белый череп, покотившись, несколько раз подпрыгнул на ухабах и остановился.

– Твоя дорога, – проскрипел он, уставившись на Алиен, —

– Приведет тебя совсем не туда, куда ты направляешься, —

– А твоя... твоя и вовсе свернута в кольцо. Ты заплутал, ястреб, – и он захохотал беззубым ртом.

– Да пошел ты!.. – и Алиен, выразившись совсем не по-дамски, пнула череп носком сапога, отчего тот скатился на обочину.

– Путь свободен, – повернулась она ко мне и вложила вибрирующий меч в ножны, —

– Мы можем ехать дальше.

И, как ни в чем не бывало, села в седло.

А потом мы расположились с ней в придорожной таверне, пили подогретый эль, и она задумчиво молчала, пропуская меж пальцев мокрые пряди пшеничных волос.

– Тебе даже не интересно знать, кто это был? – спросил я.

– Да, какая разница? Чудовищем больше – чудовищем меньше, – вполне резонно заметила она.

Одним из качеств, всегда удивлявшим меня в Алиен, было полное отсутствие праздного любопытства, что так несвойственно для представительниц ее пола.

– А ты хочешь мне что-то об этом рассказать?

– Ну, это был маг. Темный маг, предсказатель.

– Во всяком случае, сражаться он не умел, – попытожила моя спутница.

– Знаешь, справедливости ради надо сказать, вряд ли он мог сделать что-нибудь против волшебного меча, – заметил я, —

– Да и зачем? – Думаю, существенного урона ты ему не нанесла.

– Что значит «не нанесла»? Я отрубила его проклятую башку.

– Должен тебя разочаровать. Это была не просто пешка, а довольно сильный чародей. Неужели он мог оказаться настолько наивен, чтобы ни за что, ни про что подставляться под непобедимый меч? – Как ты считаешь? Наверняка, все шло по его собственному сценарию, возможно, то была лишь уловка, игра, а сам он остался цел и невредим.

Алиен подперла кистью тонкий подбородок.

– У вас, магов, свои правила, конечно, – произнесла она задумчиво.

– Вот если бы ты не вмешалась, – продолжил я, —

– Исход мог бы стать совершенно иным.

Она иронично усмехнулась:

– Ага, например, наша смерть.

– Например, наша смерть, быть может, – серьезно подтвердил я, —

– А быть может, и нет. Не все так прямо, как дорога, и не все так бескомпромиссно, как отточенный клинок.

Алиен взглянула на меня чуть искоса, с грустинкой в глазах.

– Кстати, что он там бормотал насчет дорог? Можно ли верить этим предсказаниям?

Хотелось бы мне ее успокоить!

– Не знаю. Я предпочитаю не думать об этом. Что хорошего может пообещать темный предсказатель?

– Да, ты прав, – кивнула она, —

– Ну, что, пойдем?

И мы поднялись из-за стола.

Воспоминания о том, что последовало дальше, были настолько сладки, что я сам не заметил, как погрузился в глубокий сон. И приснилась мне девушка. Не Алиен – другая. Смуглая, черноглазая, смоляные волосы, блестящей волной покрывающие плечи и темным покрывалом спускающиеся ниже, до самой талии, тонкой, как у осы. Вокруг ее хрупкой шеи звенело-переливалось монисто, а платье из красного шелка ровно облегалo точеную фигурку.

Девушка улыбалась и смотрела на меня уверенным, чуть зовущим взглядом. Мне вдруг захотелось сказать ей что-нибудь, но я не успел, так как первые лучи восходящего солнца беззастенчиво пробились под мои сомкнутые веки, прогнав сон.

Я поднялся, перекусил, разыскал пасшегося в лугах Джокера. Он казался не слишком довольным, когда я взгромоздил на его высокую холку седло, и мне было понятно его настроение, но нам нельзя было отдыхать слишком долго: по моим внутренним ощущениям не так уж много времени всем нам оставалось.

Когда мы добрались до очередного жилого селения, я вновь взялся за расспросы. И напрямую, и обходными путями я пытался выяснить, не проезжал ли здесь интересующий меня рыцарь, и не знает ли кто-нибудь случайно живописную поляну, скрытую в лесу, на которой стоит деревянная изба с алыми петушками на ставнях и двумя раскидистыми дубами вместо ворот – место из моих видений.

Но, несмотря на подробное мое описание, повторенное не один десяток раз, я лишь впустую потратил более двух часов: никто не сумел рассказать мне ничего конкретного.

Поэтому я продолжил путь на запад, дальше и дальше, и поскольку никакие приключения пока меня не находили, и я сам их искать не собирался, а монстры и прочие творения тьмы на время, видимо, решили держаться от меня подальше, делать в дороге было все равно нечего, я вновь погрузился в воспоминания.

В этих воспоминаниях Алиен – не рыцарь в блестящих доспехах, с забралом, закрывающим лицо, – а уставшая девушка с грустными глазами, сидела, опираясь о мое плечо и задумчиво глядя в пламя костра. Светлые волосы длинными прядями закрывали лопатки, которые казались чуть ли не хрупкими – тому, кто не знал, какая сила в них таится. Тонкие, но мускулистые руки выглядывали из рукавов суконной мужской рубахи, которая, как ни странно, придавала еще более женственный вид ее обладательнице.

Я вдруг увидел ее воочию, словно она вновь была рядом, словно не разделила нас эта неожиданная пропасть. Как она склонилась чуть ближе и,дохнув на меня ароматом мяты, одними губами произнесла:

– Помнишь земляничную поляну?

Еще бы я не помнил! Мое зимнее колдовство, когда среди белых сугробов я создал для нее кусочек лета. Мне хотелось тогда произвести на нее впечатление, и, замечу без ложной скромности, мне это удалось. Но сколько сил было потрачено впустую, из одного лишь бахвальства, – об этом ей знать было вовсе необязательно.

– Да, конечно, помню, – ответил я, —

– Почему ты спрашиваешь?

– Просто вдруг захотелось чего-то такого же, похожего. Чтобы вновь мы вдвоем, и доброе волшебство, словно нет никакой войны, нет бесконечной битвы, и нет ощущения, будто все катится в пропасть, – Алиен подняла на меня взгляд, и в ее зрачках плясали крохотные искорки костра.

– Не могу. И хотел бы, но не могу. Ты знаешь, что сейчас не время. Любая мелочь может внести перевес, поэтому нам пока не до игры – выжить бы, на самом деле!

– Да, я понимаю. Извини, – она обхватила плечи руками, словно ей стало жалько, —

– Иногда я становлюсь совсем слабой.

Я улыбнулся, привлек ее к себе.

– Мне сложно представить тебя слабой. Это нонсенс, оксиморон.

Алиен улыбнулась в ответ, но в глубине ее глаз, по-прежнему, таилась печаль.

Значил ли на самом деле что-нибудь этот миг? Изменилось бы хоть что-то, если бы я ответил тогда по-другому? Разумом я понимал, что нет, но сердце начало придавать значение всякой мелочи, отыскивая причину ее поступка, причину, которой попросту не существовало! Видимо, я тоже становился слабым. И этому тоже не умел найти объяснения. Прежде мне не доводилось столь глубоко копаться в собственных чувствах, я считал, что не подвержен подобному пороку, которым обычно почему-то так гордятся люди. С моей точки зрения это всегда было не более чем глупым способом времяпрепровождения. А мне всегда было, чем заняться. Но сейчас...

Резкий толчок седла вывел меня из задумчивости. Джокер остановился и тревожно втягивал воздух широко раздутыми ноздрями.

– Ну, чего ты испугался на этот раз? – спросил я как можно бодрее.

Конь повел чуткими ушами и скосил на меня один глаз.

– Поехали? – но он не сдвинулся с места.

– Все ясно. Опять решение проблем полностью на моих плечах, – я спрыгнул с седла и, покрепче перехватив посох, шагнул вперед, раздвигая зеленые заросли.

Моему взору открылась река. Абсолютно черная, непрозрачная. Вода в ней, нарушая все законы природы, не текла, а словно бы еле ползла, густая, похожая скорее на сладкую патоку, чем на жидкость. Я подошел ближе. Воздух над берегом был неестественно, мертвенно неподвижен, и вокруг стоял отвратительный запах чего-то гниющего.

– Да, что-то купаться не хочется, – проговорил я сам себе.

Надо подумать, как перебраться на другую сторону. И не бросать же здесь Джокера!

В смоляной воде слабо виднелись какие-то длинные размытые силуэты, не похожие ни на рыб, ни на что-то еще, известное мне. Они скользили мимо, оставаясь совершенно неподвижными, словно привидения. Меня не сильно интересовало их происхождение, но приближаться к реке вплотную явно не стоило.

От мерзкого запаха начинало тошнить, и пора было предпринять что-нибудь действенное. Однако ничего умнее, чем мост, мне в голову почему-то не приходило. Высокий, полукруглый мост, достаточно прочный, чтобы перевести по нему коня, – он возник перед моими глазами, словно уже существовал на самом деле. Это потребует много затрат – физических и ментальных – и большое количество времени – того, которого особенно не хватало. Но другого пути, похоже, не было – реку ведь не обойдешь.

Я вздохнул и принялся за работу. Вначале я создал воздушный каркас, он перепрыгнул с одного берега на другой и застыл, словно бесцветная радуга. Дальше я сосредоточил все усилия на придании ему максимально возможной материальности. Дурацкая работа! Пространство вокруг скрипело, создавалось впечатление, будто гигантская рука скручивает давно заржавевшие болты. По моему лицу градом струился пот... «Пожалуй, – подумал я, – при помощи обычного топора и досок результат мог быть достигнут гораздо быстрее и легче». Но плотником я не был. Поэтому приходилось пользоваться своим привычным инструментом – магией. И сейчас я, наверное, больше всего напоминал человека, который при помощи дорогостоящего хрупкого прибора забивает гвозди.

Усмехнувшись про себя этому сравнению, я удвоил усилия, и где-то через полчаса мост был готов. Он не отличался особым совершенством, но я вовсе не задавался целью создавать архитектурное произведение; для меня самым важным являлось, чтобы по нему можно было перебраться на тот берег.

Джокер сперва противился моим отчаянным усилиям и ни в какую не хотел приближаться к черной воде. После еще полчаса борьбы и уговоров я почувствовал себя совершенно

измотанным. На лошадь не действовали ни обычные слова, ни особая, специальная магия – именно из-за этого свойства мой выбор когда-то пал именно на нее, несмотря на излишнюю пугливость, лень и множество других отрицательных качеств. Но это имело, как оказалось в дальнейшем, и свои неприятные последствия.

– Ну, все! – вспыхнул, в конце-концов, я, —

– Если хочешь – оставайся. Может, послужишь для кого-нибудь славным обедом. Туда тебе и дорога! – и повернувшись к нему спиной, вступил на слегка прогнувшийся мост.

И – к моему величайшему удивлению – покорно понутив голову, Джокер шагнул за мной. Видно, здравомыслие все же взяло верх (если в его упрямой голове, конечно, водились какие-нибудь мысли). Во всяком случае, оставаться в одиночестве ему явно не хотелось. Поэтому, или по какой-либо еще причине, презрев опасность, мой верный конь двинулся за мной следом по подозрительно шатавшемуся мосту.

Я старался не смотреть вниз, и вовсе не потому, что боялся высоты, а потому, что скорее чувствовал, чем видел, как подо мной плывут-ползут черные маслянистые волны, и некие бесформенные твари перемещаются в их глубине. Доски под моими ногами скрипели, и мне казалось, что вот-вот какая-нибудь из них не выдержит, и я рухну вниз, прямо в черные скользкие глубины. Отвращение, граничащее со страхом, сковывало каждое мое движение, но я вынуждал себя думать о том, что каждый шаг приближает меня к противоположному берегу. Позади я слышал тяжелую поступь и дыхание Джокера. Если мост выдерживает его, то почему он должен сломаться под моим весом? – Эти мысли придали мне бодрости, и я едва не сломал тонкие перила, шарахнувшись в сторону от возникшего внезапно фонтана черной воды прямо передо мной.

Что за?.. Сквозь просветы между досок я увидел, как внизу возникло движение, река вздулась горбом, и некая огромная туша поднялась к поверхности, явно пытаясь дотянуться до моста. У нее были выпученные глаза и осьминожки щупальца, которые извивались в отчаянном порыве, устремленные вверх. И – ей почти это удалось! – я едва успел отдернуть ногу, когда одно из них попыталось обвиться вокруг моей лодыжки. Следующее едва не выбило опору у меня из-под ног, ударив по доске впереди так, что весь мост зашатался с жалобным скрипом.

Сражение в нескольких метрах над темной водой не входило в мои планы, и я, перепрыгнув еще через несколько протянутых ко мне щупальцев, почти бегом устремился к берегу. Тварь внизу бесновалась, выбрасывала вверх фонтаны воды. Я пару раз поскользнулся, уворачиваясь, один раз едва не упал, но, когда мне стала уже надоедать эта игра в «догонялки», я, наконец, достиг противоположного берега и спрыгнул на твердую землю.

Следом послышался безумный топот, будто дикий слон пытался уйти от погони, и весь покрытый пеной, с выкаченными от ужаса глазами, Джокер соскочил следом за мной, чуть не растоптав меня на месте.

– Эй, полегче! – прикрикнул я на него и замахнулся посохом.

Весь дрожа, конь отпрянул, остановившись. Он как будто не понимал, за что я так на него злюсь.

– Вот так, – произнес я, ни к кому конкретно не обращаясь, —

– Если тебя не погубят монстры, то прикончит собственная лошадь.

Джокер, естественно, молчал, но мне показалось, что вид у него чуточку виноватый.

– Ладно. Повеселились – и хватит, – я взялся за оборванный повод тяжело дышавшей лошади, и мы пошли прочь от черной реки.

Как ни удивительно, пережитые приключения ни капли не повлияли на мой сон. Едва моя голова коснулась свернутой попоны, заменявшей мне подушку, как я тут же провалился в забытие. И мне опять приснилась темноволосая незнакомка. Теперь она склонилась у ручья, вни-

мательно изучая свое отражение. На ней было все то же красное платье и серебряное монисто. Сложив ладонь лодочкой, она зачерпнула воды, затем словно бы обернулась ко мне, и на меня пристально взглянули сразу две пары глаз: ее собственные и глаза ее двойника в прозрачной воде. Это было странное ощущение, от которого я не избавился до конца, даже проснувшись.

Мне стало ясно, что сон мой – не просто сон, но что он означает, я пока не разобрался. Еще один знак? Или зов? – Очень похоже. Если бы я не тратил столько сил и времени на поиски, наверное, я бы скорее разобрался с этим. Но пока у меня не было такой возможности, поэтому я решил оставить все как есть, и продолжать свой путь, хотя и был весьма заинтригован.

А что, если это все – звенья одной цепочки? Случайностей не бывает, как говорил мой учитель, живший на этой земле несколько сотен лет назад. Ну что ж, тогда мне, тем более, по пути с моим странным сном, и где-то дороги наши пересекутся.

Я ехал вперед, и сердце мое отчего-то снова заныло. Может, оттого, что я, повинаясь некоему внутреннему потоку, полностью отдался размышлениям? Одна мысль тянула за собой другую, разматывая клубок воспоминаний, которых мне не хотелось больше касаться. И вот они уже выползли из глубин, и опять я вижу...

Мы сидели с ней на лесной поляне, как часто сидели по вечерам, останавливаясь на ночлег. Костер почти догорел, угли едва тлели в бархатной тьме окружившей нас ночи. Разговор между нами что-то опять не клеился, поэтому молчание наше затянулось, а когда я взглянул на свою спутницу, то увидел, что она уже дремлет, уронив голову на дорожную сумку. Волосы ее растрепались, из-под них виднелась рука, тонкая, но отнюдь не хрупкая, совершенная, словно выточенная из алебаstra. Даже во сне длинные пальцы сжимали рукоять меча, лежавшего рядом. Я так отчетливо помню эту руку! И почти не помню лица... Я бы рассмотрел его повнимательней, чтобы память впитала каждую линию, каждую мелкую черту... Но я ведь не знал тогда, что вижу ее в последний раз, не мог знать.

Было довольно поздно. Черные облака набегали на полуостров луны, и ее тусклый отсвет, заливавший поляну, временами совсем растворялся в ночи; тогда лес казался еще более таинственным и чужим. И еще было нечто, насторожившее меня. Сперва я решил, что мне просто чудится, но потом ощущение стало сильнее, заставив меня подняться и на цыпочках отойти от костра.

Я решил не будить Алиен: она выглядела такой усталой. И к тому же я был уверен, что справлюсь один. Если же опасность окажется более серьезной, чем я полагал, то она и сама проснется, решил я; Алиен – не беспомощная девчонка, и чутье ее ненамного слабее моего.

С этой мыслью я зашагал через кусты, осторожно раздвигая ветки. И за мной увязался Джокер: возможно, он тоже ощутил исходящую из тьмы угрозу и не захотел оставаться без защиты хозяина, а может, просто решил прогуляться за компанию.

Позже я много раз думал: «Почему я все-таки не разбудил ее? Ведь тогда все было бы иначе!» И каждый раз пытался убедить себя в обратном: ведь чему суждено произойти, то произойдет обязательно.

Я первым нашел тех, кто, похоже, разыскивал нас. Стая ночных волколаков шла по нашим следам, почти не таясь. Наверное, их терзал слишком сильный голод, раз они потеряли всякую осторожность. Я не ожидал, что противник окажется таким многочисленным, и вот тогда впервые пожалел, что Алиен нет рядом. Ее огненный меч пришелся бы очень кстати. Однако поздно было отступать, когда я сам ввязался в битву.

Сперва преимущество, конечно, оказалось на их стороне. Я не стану сейчас описывать подробности. Скажу только, что битва между нами продолжалась до самого утра. Стая к тому времени поредела больше, чем наполовину, и утратила боевой задор. Однако и я выдохся. Поэтому, когда оставшиеся в живых волколаки начали отступать, решив, что я им все-таки не по зубам, я не стал их преследовать. Мое последнее заклинание, посланное им вдогонку, уложило на месте еще четырех, а оставшиеся рассеялись по окрестному лесу.

Оглядевшись, я обнаружил, что оказался довольно далеко от места нашего ночного лагеря. Я окликнул Джокера, и он-таки соизволил явиться на мой зов, хотя делал это далеко не всегда. Через минут двадцать мы подъехали к лесной поляне, где в кругу выжженной травы темнели потухшие угли. Стояла рассветная тишина, над землей стлался молочный туман, и – никого не было.

Я огляделся, обошел вокруг – нигде ни одного следа и ни намека, куда могла подеваться моя спутница. Тогда я замер, вслушиваясь в голоса просыпающегося леса, – я все еще сохранял спокойствие – не могла же она исчезнуть просто так, без всякой причины! Здесь не было битвы: я бы сразу понял это, и она никуда не собиралась – во всяком случае, мне об этом ничего не было известно. Ее никто не мог увести силой, тем более, не оставив следов... И тем не менее, Алиен исчезла. Исчезли ее вещи, исчез Скай... И я не обнаружил ни единого намека на то, как и почему это произошло.

После ночного боя у меня почти не осталось сил, поэтому возвращение в птичий облик проходило с трудом, даже через боль. Но я сумел развернуть потяжелевшие крылья и подняться в воздух.

Что-то внутри меня с самого начала твердило, что все бесполезно. Но я не слушался внутреннего голоса и продолжал наматывать круги над зеленой чащей. Ветер и отчаянье слепили меня, я с трудом удерживал высоту, час за часом облетая лесные пределы. Но это было безрезультатно. Я обязательно увидел бы ее, не мог не увидеть, если бы она, на самом деле, была! На земле, под землей, еще где-то! Происходящее казалось просто дурным сном.

Наконец, усталость взяла верх, и я почти упал в мокрую от росы траву, и лежал там, стараясь унять колотящееся сердце, уже в человеческом облике. В мыслях царил невероятный

хаос. Вот тогда, неожиданно, я вспомнил про перстень, проклятый перстень, оставшийся у нее на пальце! Теперь ничто не поможет мне отыскать ее, понял я и едва не закричал от отчаяния.

Она исчезла – а вопросы остались: Что произошло? Отчего она вдруг покинула меня? Куда ушла, уехала, улетела?! Они не находили ответа, да и не могли найти, потому что смысла во всем этом не было ни грамма.

Она просто исчезла – и все. И когда эта мысль окончательно утвердилась в моей голове, я впал в какой-то ступор, а потом меня охватило глубокое забытие, перешедшее в сон. Я проспал чуть более суток, а, проснувшись, мгновенно все вспомнил, и боль, вернувшаяся ко мне, оказалась столь острой, что мне захотелось вырвать собственное сердце.

Лишь снова тронувшись в путь, я сумел постепенно прийти в себя, поражаясь в то же время силе и горечи охвативших меня эмоций. Для меня это было в новинку, я не мог найти им объяснения, и чувствовал себя, словно первопроходец, словно созерцающий дивное и страшное чудо путешественник: растерянным, изумленным и потрясенным до глубины души...

С тех пор прошло уже больше двух лет. Много изменилось вокруг, но не внутри. Мир постепенно перерождается, становясь другим. Тьма, что гораздо чернее ночи, наступает постепенно, но неотвратно. А я все так же иду по следам, выискивая тайные знаки, скрытые намеки, спрашивая, ища и, по-прежнему, не находя точного ответа. Я иду по следам...

Наступившее утро было необычайно солнечным. Яркие лучи пронизывали прозрачный воздух, напоенный теплым ароматом спелой пшеницы. Тугие колосья золотыми волнами колышались слева и справа от дороги, возвещая о скорой жатве. Этого места еще не коснулась тьма.

Мне навстречу двигалась крестьянская телега, запряженная двумя упитанными лошадками. Я придержал Джокера.

– Доброго утра вам!

Сидящие в телеге мужички закивали, сняв шапки:

– И вам доброго, господин.

– А скажите, не видали ли вы здесь случаем рыцаря? – и я описал внешность Алиен.

– Нет, что-то не припомним такого, – отозвался один из них, —

– Такие знатные гости не часто бывают в наших краях. Иначе бы обязательно запомнили.

Они уже собрались ехать дальше, но я жестом руки попросил их задержаться еще немного, и без особой надежды задал свой следующий вопрос, о лесном домишке с алыми петушками на ставнях. И тут же увидел, как посуровели и замкнулись их лица.

– В чем дело? – сразу насторожился я, —

– Вы знаете это место?

Тот, что отвечал мне прежде, с черной густой бородой, повернувшись, сплюнул.

– А что вам за забота до этого дома, господин?

Я видел, что вся его приветливость куда-то исчезла, и полез в карман за монетой, чтобы вдохновить его на дальнейший рассказ. Но мужик, заметив мой жест, протестующе замахал рукой:

– Не надо никаких денег! Не возьму от вас ничего. Еще скажите, что не знаете, кто там живет!

– Я и вправду не знаю. А как туда добраться? – гнул я свое, словно не замечая их кислых физиономий.

– Честный человек ни за что не пойдет туда. Но – ваше дело, господин хороший, – пробубнил мужик, —

– По этой дороге доедете до леса. Там развилка будет. Повернете направо. Еще с полчаса двигайтесь до самой вырубki. Затем вдоль нее, пока сосновый борок не начнется. И – там уже недалеко, сами найдете!

Я поблагодарил и уже тронул коня, но он обернулся и крикнул мне вслед:

– А живет там – ведьма! – и, нахлестывая гнедых, поспешил со всей компанией прочь.

Ну что за темный народ! Научить бы этих невежд уважению к истинной магии! У меня вдруг так и зачесались руки выкинуть что-нибудь эдакое, чтобы они в штаны наделали со страху, но я сдержался. Ни к чему сейчас все эти игрушки. Да и лишнее внимание к собственной персоне привлекать незачем.

Джокер послушно перешел на рысь, наполовину погружая копыта в желтый песок. Наконец, я получу хоть одну из отгадок! С этой мыслью я нетерпеливо выслал коня, и он сорвался в галоп.

Мы с ним пронеслись по полевой дороге до самого леса, затем по более твердому грунту среди солнечных бликов и зеленых ветвей, норовящих хлестнуть по лицу, миновали развилку, свернули под темные своды хвойного леса, и так скакали без передышки, пока я не увидел свежие пни тянувшейся вдоль дороги вырубки. Пахло опилками и еще влажным деревом. Здесь я перевел Джокера на шаг, отдав ему повод и позволив восстановить дыхание. Его длинная шея блестела от пота, на плечах собрались клочья белой пены. Он отфыркивался и встряхивал гривой, отгоняя назойливых мух.

Вскоре высокие и прямые, как свечи, сосны чуть расступились, и моему взгляду предстала картина из моих видений, точно такая, как я запомнил, вплоть до мелочей: два огромных дуба, словно заслоняющие собой избушку, бьющий между корней ключ, золотой свет, пронизывающий верхушки окружавших меня деревьев, и, наконец, – ярко-алые, веселые петушки, пляшущие на потемневших ставнях окон, довершали образ.

Я подъехал вплотную к стражам-дубам и спросил у них, а, может, просто у того, кто мог меня слышать:

– Можно пройти?

Ответом была тишина и легкий шорох ветра в ветвях. Я медленно проехал между двух величавых стволов. Сколько же им лет? Никак не меньше сотни.

Дверь избушки распахнулась, и на крыльце возник еще один знакомый мне персонаж – девушка из моих снов. Что-то в голове щелкнуло, словно встали на место несколько составляющих безумной головоломки, а девушка легко, словно лань, пробежала по ступеням крыльца и остановилась в нескольких метрах от Джокера, вскинув голову и прямо глядя мне в глаза.

– Добро пожаловать, ястреб! – голос был мелодичен и чист, будто тысяча серебряных струй, —

– Долго же ты ехал.

– И тебе привет, лесная ведьма, – ответил я.

– Гвендолин, – она присела в шутилом изящном полупоклоне, расправив платье, словно придворная дама.

– Конрад, – кивнул я.

Какое-то время мы продолжали молча изучать друг друга, пока она первая не опустила взгляд.

– Ну, что же, мне можно слезть, наконец, с седла? – поинтересовался я.

– Естественно. А также можно войти в дом, – озорная улыбка изогнула уголки ее губ

Звякнуло монисто, прошелестел зеленый шелк рукавов. Девушка повернулась, приглашая следовать за собой.

Я соскочил с седла, лишь теперь ощутив усталость затекших мышц. «А ведь она красива!» – пронеслась в голове неожиданная мысль. Ноги сами поднялись по заскрипевшим ступеням, и я, пригнувшись, шагнул в полумрак сеней.

ГВЕНДОЛИН: Ученица чародея

На самом деле, его приезд стал для меня настоящим сюрпризом, хотя я и ждала его столько дней. – Смешно?

Просто трудно было поверить, что он, маг и чародей, известный далеко за пределами Западного леса, снизойдет до какой-то деревенской ведьмы, услышит ее зов и явится на встречу. Признаюсь честно, все во мне затрепетало, когда я увидела его, такого неожиданно молодого, как мне вначале показалось, и незнакомого, совсем-совсем другого, нежели в моих представлениях.

И я смотрела, широко раскрыв глаза...

Как он остановил серого в яблоках коня, не доезжая нескольких шагов, и взглянул на меня долгим-долгим взглядом, казалось, впитывающим всю мою душу. Как затем усмехнулся веселой, но вместе с тем, пугающей улыбкой, не выказывая ни удивления, ни толики вопроса, словно наша встреча – нечто само собой разумеющееся и оговоренное давным-давно.

Я ни словом, ни жестом не дала ему почувствовать свое замешательство, и постаралась выглядеть спокойной. Мама сказала бы, что во мне умерла актриса. Во всяком случае, кажется, он поверил в мою игру, не замечая ни моего смущения, ни трепета перед ним. Кажется – или поверил?

Почему эти, незначительные, вроде бы, детали были так важны для меня? Так сразу не объяснить. Пожалуй, это станет понятным из дальнейших событий.

Итак, я пригласила его в дом, не преминув заметить боковым зрением красноречивый взгляд, которым он окинул меня с ног до головы. Все-таки, все мужчины одинаковы, маги они или нет.

Войдя в низкие сени, он приостановился, привыкая к неяркому свету, затем проследовал за мной на кухню, одновременно служившую гостиной и моей лабораторией – святая святых любой уважающей себя ведьмы.

Он уверенно, как дома, сел на один из стульев у застланного скатертью стола. Его руки с длинными пальцами легли на колени, и он – весь внимание – повернулся ко мне. Вдруг показалось – а может, просто так легла тень – что он значительно старше, чем привиделось мне сначала. Суровое лицо утомленного странника, кое-где прорезанное неглубокими морщинами, густая щетина на подбородке...

– Итак?.. – произнес мой гость. В его голосе звучал столь долго сдерживаемый вопрос, что мне он показался даже рассерженным.

Я села напротив и изобразила самую чарующую улыбку, на которую была способна.

– Пожалуйста, не торопитесь. Отдохните с дороги, перекусите. У нас еще будет время для разговоров, – мягко произнесла я, и тут же почему-то оказалась на полу – табуретка каким-то непостижимым образом выскользнула из-под меня, а Конрад мгновенно навис надо мной угрожающей тенью.

– Не время для шуток, ведьма! Ты звала – я пришел. Но я, действительно, очень тороплюсь. Так что хватит увиливать и перейдем к делу.

В какой-то момент мне даже показалось, что он готов вытрясти из меня ответ силой, но это меня почему-то не испугало. Я слишком долго ждала, чтобы отпустить его прямо сейчас.

– Гвендолин, – мягко поправила я его, —

– Меня зовут Гвендолин. А вы ведете себя невежливо.

Его глаза секунду смотрели на меня изучающее, затем он протянул мне руку, подымая с пола.

– Думаю, можно на «ты», – произнес он, так же внезапно меняя тон, —

– Как-никак, мы все-таки коллеги.

Переход от гнева к спокойствию был настолько неожиданным, что испугал меня куда больше. Похоже, предсказать перепады его настроения абсолютно невозможно!

– Хорошо, ястреб, – ответила я, отряхивая платье, —

– Перейдем на «ты». Так как насчет обеда?

– Ладно, давай, – он махнул рукой, —

– Неси свою стряпню.

И я подчинилась, внутренне усмехаясь. Не то, чтобы я очень рассчитывала на свои силы, но попытаться-то все равно стоило.

Конрад съел до конца свою порцию и попросил добавки. Я с улыбкой поднесла ему еще. За обедом мы почти не разговаривали, только смотрели друг на друга, и это походило на молчаливую дуэль, короткий обмен невидимыми ударами.

– Очень вкусно. Спасибо, – мой гость встал из-за стола и зашагал по кухне, то плечом, то головой задевая невидимые паутинки чар, сотканные мной специально по такому случаю. Он их не замечает! Не может быть! Я мысленно потирала руки.

Конрад резко остановился посреди кухни:

– Вот только готовишь ты гораздо лучше, чем колдуешь!

Я замерла, не зная, что от него ожидать в следующий момент.

– Думаешь, я не отличу на вкус приворотного зелья?! Или не замечу, чего ты здесь понавешала? Думаешь, твоя паутина может задержать меня здесь?! Очаровательная наивность, – он вдруг расхохотался, и я с облегчением поняла, что он больше не сердится.

– Зачем ты снилась мне? – маг снова оказался рядом.

– Затем, чтобы увидеть тебя, ястреб.

– А зачем тебе видеть меня?

– Чтобы говорить с тобой...

Наши зрачки встретились, соединившись бездонным колодцем, и я ощутила, как проваливаюсь во тьму, но все еще продолжала отчаянно хвататься за самый край.

– Так говори! – его пальцы охватили мое горло и сжались, но не сильно, словно предупреждая. Мягкие кошачьи лапки, играющие с пойманной птичкой.

Я все-таки удержалась, балансируя на прозрачной кромке, разделяющей меня и не-меня. Но дальше... Дальше произошло то, чего я меньше всего ожидала: он поцеловал меня...

Рассвет разбудил нас, серый и безжалостный. Ночь уходила: удержать ее было, увы, невозможно. Бесполезно было просить ее повременить еще немного. Вместе с ней собрался уходить и он... А я вдруг поняла, что сердце мое вот-вот разорвется пополам, и еще поняла, что просьба моя окажется теперь бессмысленной и невыполнимой вдвойне, чем могла быть до этого... Что же я наделала!

Он, поднявшись с постели, взглянул на меня с улыбкой, впрочем, теперь уже какой-то мягкой и усталой.

– Так говоришь, приворотные чары, да? – спросил он, коснувшись моей щеки, —

– Будем считать, что они подействовали.

Я молча смотрела, как он одевается, борясь с душащим меня комом в груди. Наконец, когда маг повернулся ко мне спиной, что-то внутри не выдержало, и, прорвав невидимую плотину, слезы прямо-таки хлынули из глаз.

Конрад слегка поморщился, снова посмотрев на меня:

– Вот только не надо этого. Не выношу женских рыданий.

– Пожалуйста, не уходи! – я схватила его за руку, позабыв про стыд. Мне казалось, я просто не переживу этого. Неужели он настолько жесток и циничен?!

– Пожалуйста, у меня есть к тебе одна просьба!

Он остановился, не отнимая руки.

– Одна? Какая же?

Я всхлипнула несколько раз, пытаюсь побороть слезы. Наконец, мне это удалось, и, сжав руки в кулаки, я заставила себя произнести то, о чем едва смела мечтать:

– Ястреб, возьми меня в ученицы.

Мои слова даже мне самой показались настолько дерзкими, что я бы не удивилась, расмейся он в ответ. Но он остался совершенно серьезен. Взял меня за подбородок, заглянул в глаза.

– Сколько тебе лет, Гвен?

Он впервые назвал меня так, и от одного этого слова у меня по спине пробежали мурашки. И все же я не растаяла окончательно и не дала эмоциям заглушить голос рассудка.

– Двадцать три, – солгала я, не моргнув глазом, и тут же сообразив, что он все равно мне не поверил. Но не могла же я признаться, что этой весной мне только исполнилось семнадцать!

– Ты для этого искала встречи со мной? – продолжал маг, между тем, все так же серьезно.

– Да, – и теперь я была абсолютно искренна.

Действительно, я хотела с ним встретиться именно по этой причине... до недавних пор... до сегодняшней ночи... «Что же я натворила?!» – снова воскликнула я мысленно. И не смогла ответить самой себе.

– Прости меня, Гвен. Я, на самом деле, не имею ничего лично против тебя. Но я не беру учеников и никогда не брал. Может, когда-нибудь, в далеком будущем, когда глубокая старость не позволит мне слишком далеко отойти от камина и любимого кресла-качалки...

Шутливым тоном он пытался смягчить свой отказ, но все-таки это был отказ, какая бы форма ему не придавалась, и какую же боль он вызывал! Ведь сейчас я теряла все: надежду, что согревала меня все эти дни, пусть иллюзорную, но все же возможность когда-либо достичь настоящих высот магии под руководством самого великолепного – о, я не обманывалась на его счет! – из чародеев, и... свою только что обретенную любовь.

Я видела, как полыхают, сгорая, последние обломки моей прекрасной мечты, и не могла сдержать стон.

Конрад еще раз взглянул на меня и повернулся к двери.

– Мне, и вправду, нужно спешить, – произнес он, шагнув к порогу, —

– Я и так слишком задержался. Впрочем, – он на секунду остановился, чтобы стереть застывшую слезинку с моей щеки, —

– Я не жалею об этом, – и нежная усмешка сделала его губы невероятно желанными.

Но я отвернулась, чтобы не смотреть на него, чтобы не видеть этих насмешливых глаз и поднятой в прощальном жесте руки. В моем рукаве остался последний козырь. Интуиция подсказала, что самое время вытащить его на свет. Я не представляла себе всей его силы, но – сейчас или никогда!

– Я знаю, кого ты ищешь, – тихо произношу я, но от моих слов он вдруг вздрагивает и замирает на месте, как от удара.

– Повтори, что ты сказала?!

– Я знаю, кого ты ищешь, – послушно говорю снова.

Он смотрит на меня в упор, зрачки – как наконечники стрел, и ни намек на недавнюю нежность и сожаление в этих сжатых, узких губах. Я не понимаю, что за струну только что задела, но вижу, что путь выбрала верный. Что же – пусть возненавидит меня, если хочет!.. Но не прогоняет...

– Кого же? – нет, не ненависть и не гнев в этих словах. Другое. Но что? – Желание? Страсть? Внезапная, яростная надежда?

Способна ли я дать ему то, чего он так жаждет?

– Ты ищешь одного рыцаря, – произношу я и вижу, как его щеки заливают смертная бледность.

– Ну да, конечно, – словно в забытии бормочет он, —

– Как я мог позабыть! Наведенными были только сны, лишь сны. А мое видение, видение этого места – было моим собственным, было одним из знаков!

В эти минуты он походил на безумного, и я не поняла ни слова из того, что он говорил. И не успела бы понять, потому что в следующую секунду он налетел на меня, словно хищная птица, каковой, впрочем, и являлся.

– Ты знаешь, где искать?! – Ты знаешь! – он уже не спрашивал, он утверждал.

– Нет, – честно ответила я, —

– Но мне известно, кто знает.

В эту минуту я поняла, что держу его душу в своих руках, держу очень крепко, и тайная радость залила меня, словно огнем.

– Что ж, – выдохнул он и взглянул на меня с выражением, которое я опять не смогла понять, хотя всегда читала чужие лица, как книги, —

– Я недооценил тебя. Ты победила. Пока. Все-таки, вынужден признать, у тебя есть кое-какие способности. Можешь считать себя моей первой ученицей. Собирай вещи. Мы едем немедленно.

– Куда? – я едва не плясала от ликования

– На край света, конечно же! – он улыбнулся, и в его улыбке опять промелькнул оскал хищника, —

– Показывай дорогу.

Давно остались позади любимые, знакомые с детства места. Исчез за поворотом мой маленький дом, на который я даже не оглянулась; уезжая – никогда не оборачивайся на то, что покидаешь навсегда. Я знала, что больше не увижу этих высоких сосен, и солнечных полей, и не вдохну летний воздух, напоенный ароматом хвои. Я была уверена в этом так же твердо, как и в том, что за все необходимо платить. Мне было безумно грустно, и сердце грызла тревога, но я знала – это лишь первая из жертв, которые придется принести, если я хотела чего-то добиться. А я хотела.

Конрад ехал рядом со мной, и снова его облик неузнаваемо изменился. Теперь он был почти стариком. Он сказал: «Так нужно. Это одно из условий нашего договора. Не стоит привлекать лишнего внимания, а мы его обязательно привлечем, путешествуя в том виде, как есть. Поэтому пускай тебя лучше принимают за мою дочь. Дочь чародея, сопровождающая престарелого отца, ни у кого не вызовет вопросов. И я смогу так же легко и беспрепятственно учить тебя всему по пути. Кроме того, есть еще один момент, о котором ты сама прекрасно знаешь. Можно быть либо любовницей, либо ученицей – но не одновременно! Выбирай».

Ход его мыслей был безупречен – не придерешься. И я со всем согласилась – а что мне оставалось делать? Кажется, это должно было превратиться со временем в мою вторую большую жертву, в мое наказание. Постоянно находиться с ним рядом, иногда даже касаться его, ловить каждое слово и каждый жест, благоговеть перед ним и делить все тяготы и опасности дорожной жизни – и не сметь даже взглянуть на него по-другому, иначе, чем с дочерней почти-тельностью. – Худшего испытания он не смог бы измыслить!

И чародей, действительно, не шадил меня. Его требовательность превосходила всякие границы, а эксцентричные выходки порой доводили почти до слез. Иногда даже сложно было сказать: намеренно он это делает или случайно. Но я не собиралась отступать от своего, стараясь не жаловаться, и бывало порой, что чувствовала себя вознагражденной сторицей, когда он держался со мной, как с равной, что бывало, впрочем, далеко не часто.

Так, в первый день после отъезда, Конрад завел со мной разговор о конечной цели нашего пути (на самом деле, естественно, промежуточной, – конечной только на данном этапе, и как он предполагал – для меня; о собственной конечной цели он никогда не говорил).

– Куда мы все-таки направляемся? – спросил чародей, покачиваясь в седле в такт шагам своенравного жеребца, —

– Кто поможет в моих поисках? Теперь можешь смело говорить об этом.

Я слегка склонила голову и взглянула на него из-под полуопущенных ресниц. Мне была хорошо известна сила этого взгляда. Но он, кажется, остался равнодушен.

– Мы едем к той, кого именуют Хозяйкой Леса или Госпожой. Она может дать ответ на твой вопрос. И еще на многие другие, важные для нас, вопросы, – сказала я.

– Разве я не сумел бы отыскать дорогу без твоей помощи?

– А разве я сказала бы тебе тогда, к кому мы направляемся? – Нет. Ее находят только те, кто должен найти. А меня она ждет.

– Понятно, – только и произнес он.

Мы долго ехали по болотистой низине, всматриваясь вперед сквозь низко стелющийся туман. Сырость все плотнее окутывала нас. Временами казалось, что воздух с трудом проникает в легкие, но это была всего лишь иллюзия, и мы медленно продолжали путь, который уводил нас в неизвестность.

– Ты ведь понимаешь, что после того, как мы отыщем Хозяйку Леса, необходимость в твоей помощи отпадет? – спросил вдруг Конрад, и я поразились его прямоте.

– Но мы ведь можем очень долго ее искать, – ответила я, —

– А для тебя, как я поняла, дорог каждый день... Поэтому мы можем заключить своеобразный договор: я привожу тебя к Госпоже как можно быстрее, но до этого ты даешь мне слово, что позволишь следовать за собой и дальше.

Он усмехнулся. Усмешка мелькнула и пропала в длинной седой бороде.

– Цепкий котенок!.. Конечно, я могу дать тебе слово. Хоть тысячу слов. Но что помешает мне его нарушить? Как ты уже поняла, я никогда не признавал таких понятий, как «благородство», «честь», «верность клятве», а всегда действовал в соответствии с тем, что казалось мне наиболее разумным в данный момент. Увы, я не рыцарь!

– Да, я знаю, – кивнула я, прикусив губу.

И каждый из нас остался при своем. После этого разговора наши отношения обострились еще больше, с каждым днем все сильнее напоминая некий молчаливый поединок. Никто не хотел уступать, никто не спешил открывать свои карты. И по-другому, видимо, было нельзя.

Пока мы ехали через земли, еще не потревоженные злыми силами, хранящие свою уникальность и красоту. Они казались постепенно тающими островками в мире, где воцаряется хаос и черная магия. Если в один прекрасный день темные волны захлестнут и их, то, конечно, утратит смысл и наше путешествие, и моя учеба у ястреба, и все планы и устремления, и даже надежда, которая, как говорят, умирает последней. Конечно, я не была душой, чтобы не понимать этого, и не собиралась затягивать путь к домику Госпожи до бесконечности. Ведь пока еще не все было потеряно и бороться имело смысл.

Мы проезжали Вайедолон, славящийся своим искусством выращивания цветов, и нас окружили холмы, полные такого небесного благоухания, что, кажется, даже Конрад слегка потерял голову и на время забыл о своей роли строгого учителя. Вокруг нас, заполняя все видимое пространство, колыхались белые розы. Расходясь на четыре стороны света, издали поля казались покрытыми морской пеной, и, словно вода, обтекая нас белыми бурунами, разбивались у ног наших лошадей тысячами нежных лепестков цветочного прибоя.

Мы проезжали Гонг – город, почти целиком выстроенный из чистого серебра. Его статуи горели на солнце так, что было больно глазам. А ветер, попадая в плен многочисленных флюгеров и ажурных полупрозрачных башенок со шпилями, создавал музыку, переливчатую, словно радуга. И цокот лошадиных подков по серебряным мостовым был похож на приветствующие нас литавры.

Мы проезжали Монтрей – довольно странное место, даже на фоне прочих неописуемых чудес, место, где сочеталось множество несочетаемых вещей: где облака иногда садились на землю, застывая, как сахарная вата; в прудах обитали певчие рыбы; деревья вырастали за одну ночь и покрывались диковинными плодами в течение часа; а иногда даже, говорят, шли дожди из виноградных улиток. Место, настолько чарующее своими экстравагантными небылицами, что мне хотелось бы остаться там навсегда...

Но мы продолжали путь, проезжая все эти дивные края, с каждым днем приближаясь к цели. И с каждым днем замечая, как все темнее становится западный горизонт. Иногда ко мне подкрадывался незнакомый донныне страх, и я старалась поменьше смотреть в ту сторону. Мой же спутник вел себя абсолютно хладнокровно. Казалось, его не трогает окружающая красота, и не пугает сгущающийся на западе сумрак. Только одно чувство владело им все это время: маниакальная настойчивость двигаться вперед. И он ехал, почти без передышки, не давая отдыха и мне.

Однажды в дороге нас застигла сильнейшая буря. И, как это обычно случается, поблизости не оказалось подходящего укрытия, кроме подозрительного вида руин то ли замка, то ли какой-то обвалившейся старой башни. Ветер обрушивал на нас стены воды, пытаясь сбить с ног, и нам не оставалось иного выхода, как спрятаться среди рассыпающихся камней.

Мы выбрали местечко посуше, куда не доставали струи дождя, и развели небольшой костер, чтобы просушить одежду. Вокруг царил полумрак, озаряемый только редкими всполохами огня, да вспышками молний. Но я готова была поклясться, что мы здесь не одни. И чувствовала себя как-то неуютно, словно незваная гостья в чужом доме. Сидя у костра, я помещивала угли корявой веткой, как вдруг из темного угла на меня воззрились чьи-то оранжевые глаза. Я схватила Конрада за руку, он повернулся туда, где одна за другой зажглись еще шесть пар живых огней с полыхающее-черными точками зрачков внутри.

– Не бойся, – шепнул маг, —

– Это саламандры. Создания настолько редкие, что я и не думал, что когда-нибудь доведется их увидеть. Наверное, их привлекло пламя нашего костра. Главное – не шевелись, и они не причинят нам вреда.

Я постаралась последовать его совету, следя одними глазами, как из темноты появляются семь подвижных пурпурных существ, больше всего похожих на ящериц с короткими хвостами. Они окружили наш костер, подобравшись совсем близко, и замерли совсем как настоящие ящерицы, когда они греются на солнце. Только были они покрупнее, и казалось, что от них самих исходит жар.

– Если тебе удастся приручить хоть одну, – прошептал мне Конрад в самое ухо, —

– Все саламандры будут служить тебе и всегда придут на твой зов.

– Это испытание? – произнесла я одними губами.

– Можешь считать, что так.

Я понятия не имела о том, как приручают саламандр, но вызов был брошен, а я его приняла. Вновь окинув взглядом неподвижно припавшие к земле фигурки, я потянулась к костру. Огонь не всегда обжигает, мне известно это давно, и сейчас рука моя беспрепятственно погрузилась в пламя. Боли я не почувствовала. Но вот горящие угли... Я зажмурилась, когда мои пальцы сомкнулись на одном из них. В воздухе начал распространяться запах, который трудно с чем-нибудь спутать – запах горящей плоти. Но я уже держала уголек на раскрытой ладони, протянув его одной из саламандр. Та колебалась – долго, как мучительно долго! – пока на руке вздувался чудовищный ожог. Время растянулось для меня просто невыносимо, хотя, на самом деле, прошло едва ли больше минуты. А потом так же неожиданно быстро саламандра побежала ко мне на своих коротких лапках, и уголек исчез в ее маленькой красной пасти. Она глотнула, на мгновение блаженно прикрыв глаза, а затем ее огненно-алый язычок лизнул мою

обожженную ладонь. И миг боль утихла, а ранка тут же стала затягиваться. Я бы и сама не поверила в такое, если бы не увидела собственными глазами.

Потом ящерка еще раз лизнула уже заживающую кожу, а когда она отбежала, в моей руке осталось лежать маленькое колечко. Оно словно бы состояло из живого огня, полыхающее, текущее, переливающееся, но совершенно не горячее наощупь.

– Поздравляю, – улыбнулся Конрад, —

– Кольцо Саламандры. Теперь в любой момент ты сможешь позвать их. Ты им понравилась!

– А если бы не понравилась? – поинтересовалась я.

Улыбка мага стала еще шире:

– Они бы тебя сожгли.

Я не поняла, говорит он серьезно или снова издевается надо мной. В любом случае, я не могла сдержать возмущения:

– И ты с таким равнодушием говоришь об этом! Мог хотя бы предупредить!

– Но ведь они этого не сделали, правда? – он повернулся спиной, доставая из дорожной сумки еду, нимало не обращая внимания на мой потрясенный вид. Да человек ли он вообще?! Иногда я в этом сомневалась.

Мои же новоявленные слуги – или друзья? – сплотились возле меня в тесный кружок и, не мигая, пожирали меня глазами, словно ожидая дальнейших указаний. Я несколько минут подержала кольцо в воздухе, разглядывая его, а затем надела на безымянный палец. Оно пришлось как раз.

– Вы свободны, – сказала я и кивнула, —

– Можете идти.

Саламандры моментально развернулись и все, как одна, растворились в сырой темноте, вспыхнув пару раз, словно искры.

Конрад расхохотался:

– А из тебя бы вышла неплохая королева! Как величественно это у тебя получилось! И имя у тебя, кстати, вполне царское – Гвендолин. Никак не для простой колдуньи.

Я даже не стала ему отвечать. Пусть говорит сам с собой, если ему охота.

Конрад не обратил ни малейшего внимания на мою реакцию.

– Ну что же, – произнес он, спустя какое-то время, —

– Кажется, наши вещи просохли. Пора в путь.

И мы стали собираться, хотя я чувствовала себя совершенно разбитой. «Из железа он, что ли?» – в который раз мелькнула в голове мысль.

Нет, конечно, он был не из железа, и тоже нуждался в отдыхе. И как ни старались мы избегать людных мест, следующую остановку пришлось делать в пригородной гостинице.

Хозяйка довольно любезно показала нам наши комнаты, расположенные рядом на втором этаже. Обстановка была непритязательной, но много ли надо усталому путнику! Кровать, небольшая тумбочка, стол у окна. Я заглянула к Конраду: у него все было примерно так же.

Я смыла с себя дорожную грязь и переоделась, а затем мы с ним вместе спустились в просторный зал, чтобы поужинать. Следуя за Конрадом, который сутулился, опираясь на посох, словно и в самом деле был стариком, я чувствовала, что против воли притягиваю к себе множество взглядов. Я опустила глаза, стараясь не замечать обращенного на меня внимания, и села рядом со своим учителем за низкий дубовый стол. Мгновенно возле нас возник мальчуган, одетый в идеально чистый фартук:

– Что будете заказывать?

– А что здесь можно выбрать? – поинтересовался Конрад.

Пока он обговаривал блюда, я не спеша огляделась по сторонам. Зал был полон. Звяканье тарелок, ложек, бокалов, равномерный гул голосов, временами прерываемый выкриками, когда кто-то подзывал прислугу. Все как будто были заняты своими делами. И лишь из-за соседнего стола на меня беззастенчиво пялились две пары глаз. Темноволосый парень, лет, наверное, восемнадцати-девятнадцати, и рядом с ним однорукий мужчина с неприятным, перерезанным шрамами, лицом. Впрочем, оба они не вызывали у меня симпатии. Развязные манеры, неприкрытые оценивающие взгляды, с которыми они следили за мной...

Я отвернулась, обратив все свое внимание на тарелку с едой. Но куски застревали у меня в горле: я постоянно чувствовала на себе их глаза.

– Эй, старик! – высоким голосом вдруг выкрикнул парень, обращаясь к Конраду, который даже не глянул в его сторону, —

– У тебя красивая дочка! Следи за ней повнимательней!

И оба захохотали, видя, как мои щеки заливаются краской.

– Уйдем отсюда! – шепнула я своему спутнику.

– Ты, разве, не голодна? – спросил он, по-прежнему, не отрываясь от тарелки.

– Что-то аппетит пропал, – ответила я.

Краем глаза я продолжала наблюдать за соседним столом. Двое мужчин о чем-то переговаривались, бросая на нас короткие взгляды, но больше к нам не обращаясь.

– Ладно, – вздохнул Конрад, —

– Сейчас пойдем. Потерпи минут пять.

Он, как будто ничего не замечая, расправился со своей порцией и в три глотка осушил бокал.

– Сколько с нас? – спросил у подошедшей obsługi и выложил деньги на стол.

Мы поднялись из-за стола и вернулись в комнаты, каждый – в свою. Несмотря на усталость, мне что-то не спалось. Те липкие взгляды не выходили у меня из головы. Я не стала задуть свечу, и, не раздеваясь, легла в кровать, прямо на покрывало. Отчего-то было не по себе. Мама обычно называла это «предчувствиями» и говорила, что я, обладая такой же способностью, как и у нее, всегда буду предупреждена об опасности заранее. До сих пор так оно и оказывалось. Я старалась дышать неслышно и молча ждала.

Наконец, ожидания мои оправдались: где-то неподалеку скрипнула половица, и осторожные шаги приблизились к моей двери. Я сунула руку под подушку, нащупывая кинжал.

Конечно, можно было бы закричать, позвать на помощь Конрада... Но я до сих пор злилась на него, а еще мне хотелось доказать, что я и сама кое-чего стою.

Между тем дверь в мою комнату бесшумно приотворилась, и на пороге возник силуэт. В полумраке было плохо видно, но мне показалось, что я узнаю в нем того самого темноволосого наглого юнца, что так беззастенчиво разглядывал меня сегодня. Я затаилась, крепче сжав рукоятку. А незванный гость на цыпочках приблизился ко мне. Вот он уже навис надо мной, обдавая винными парами – видно, здорово «набрался», прежде чем решиться на подвиг. Вгляделся в мое лицо – я ощутила это сквозь сжатые веки, но продолжала притворяться спящей. Он постоял какое-то время, словно в нерешительности, и вдруг кинулся на меня. Но я была готова к нападению, и мгновенно вывернулась из-под него, а лезвие моего кинжала оказалось прижато к пульсирующей вене на его шее. Это, и в самом деле, оказался мой недавний знакомец. Он совершенно не ожидал того, что произошло, и сейчас в неровном свете свечи я увидела, как в почти бессмысленных глазах зажегся огонек страха.

– Думал, я не сумею постоять за себя? – прошипела я ему в ухо, —

– Сейчас ты медленно встанешь, выйдешь за дверь и уберешься отсюда. Но только медленно! – и для большей убедительности я слегка ткнула его острием кинжала. На коже выступила капелька крови, и он затрясся.

– Н-н-не убивай меня! По-пожалуйста!

И все-таки я допустила непростительный промах. Увлеченная нашей содержательной беседой, я совсем перестала следить за дверью, забыв о том, что мой посетитель был не один. Как оказалось, зря. Потому что в следующую секунду мелькнула чья-то грузная тень, и кто-то с силой ударил меня по голове. На какие-то минуты я отключилась, а когда открыла глаза, то поняла, что безоружна, и более того, – привязана к кровати. Кроме всего прочего, во рту у меня был кляп, и я при всем своем желании не могла позвать на помощь.

Теперь в комнате находились двое. И во втором я, с дрожью отвращения, узнала одно-рукого.

– Ну, что, – произнес он, с ухмылкой приблизив свое красное лицо к моему, —

– Теперь-то будем стоворчивей?

Если бы я могла говорить, он услышал бы много лестного о своей персоне, но я сумела лишь изогнуться и слегка пнуть его в живот.

Он охнул, отшатнувшись.

– Ничего, – прокрипел он в ответ, —

– Мы здесь одни, а папочка давно видит десятый сон. Вряд ли он примчится тебе на помощь. Впрочем, если бы и явился старикашка – для него же хуже!

Я сжала зубы, мучительно пытаюсь вспомнить хотя бы одно заклинание, не требующее произнесения вслух, и тут – как вовремя! – дверь с грохотом распахнулась, и словно картинка, на пороге возник Конрад, будто окруженный ореолом героя. Он больше не был стариком, и от его взмаха посохом оба негодяя отлетели в другой конец комнаты.

Трудно выразить словами, как я была рада его видеть! Впрочем, у меня во рту, по-прежнему, находился кляп, а на запястьях – веревки, и потому я могла лишь молча наблюдать за происходящим, не имея возможности принять личное участие, хотя у меня и чесались руки.

Конрад, меж тем, распахнул окно, впуслав в комнату прохладный ночной воздух, и легко, будто тук с сеном, перебросил однорукого через подоконник. Откуда-то снизу послышался тяжелый удар об землю и сдавленный стон. Второй же сообщник не стал дожидаться расправы, и пока мой учитель и защитник возился с его приятелем, по-быстрому улизнул за дверь.

Наконец, маг приблизился к кровати и задумчиво взглянул на меня.

– Слушай, а может, тебя так и оставить? Гораздо меньше проблем и капризов...

Я замычала, отчаянно пытаюсь вымолвить хоть слово, сжимая руки в кулаки.

– Ну, ладно, ладно, – произнес он, видя, что чаша моего терпения переполняется, —

– Сейчас, – и осторожно распутал веревки, стягивавшие мои запястья.

Я вскочила с кровати, тяжело дыша.

– Надо было сразу позвать на помощь, – словно бестолковому ребенку, разъяснил Конрад, —

– А что, если бы я, и вправду, спокойно спал?

– Я надеялась, что справлюсь...

– Надежда умирает последней.

Он зашагал по комнате взад и вперед, задумчиво потирая лоб, а я любовалась его ставшей вновь стройной фигурой и четким, словно чеканным, профилем.

– Все-таки, где-то я его раньше видел...

Однако вспомнить ему так и не удалось.

Остаток ночи, впрочем, прошел спокойно. Несмотря на пережитые волнения, я крепко проспала до тех пор, пока солнце, поднявшись высоко, не добралось до наших окон, заливая комнату горячим оранжевым светом. День обещал быть по-летнему жарким.

Я встала, радуясь, что в кои-то веки удалось выспаться, умылась холодной водой из кувшина и отправилась будить Конрада, который, вопреки обыкновению, тоже проспал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.